

81.721.
КАРА РАДЕК

РОЗА
ЛЮКСЕМБУРГ

КАРА
ЛИБКНЕХТ

ЛЕО
ИОГИХЕС

КАРА РАДЕК
РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ
КАРА ЛИБКНЕХТ
ЛЕО ИОГИХЕС

КРАСНАЯ
НОВЬ

1 · 9 · 2 · 4

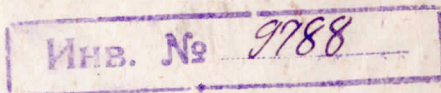
35.56.6.412

КАРЛ РАДЕК

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ
КАРЛ ЛИБКНЕХТ
ЛЕО ИОГИХЕС

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ♦ МОСКВА ♦ 1924

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ

I.

Она родилась в тот период польской истории, когда господствующие классы Польши совершенно отвернулись от национальных идеалов, относились с пренебрежением к борьбе за независимость и гордо заявляли, что лучше всего они служат родине, перегоняя водку из картофеля и массажи экспортируя в Россию из Лодзи, этого польского Манчестера, дешовую мануфактурную дребедень. Период так-называемой органической работы, преобладания буржуазных элементов, стерший, при содействии самодержавия, какие бы то ни было национальные черты с облика Польши,—этот период, правда, был приукрашен в литературе и печати утверждениями, будто таким способом национальное здание Польши будет приведено в порядок от подвала до чердака. Делчество буржуазии покрывалось позитивным глянцем при помощи цитат из Конта. Но в действительности вся идейная атмосфера, среди которой выросла Роза Люксембург, была холодной, трезвой, мрачной атмосферой либерализма, отрекшегося от своих важнейших исторических задач, от борьбы против феодального абсолютизма. И именно потому, что культуртрегерские прогрессивные фразы польского либерализма, знаменосцем которого был Александр Свентоховский, были только фразами, что польский либерализм не был, по существу, ничем больше, как религией, даже не капитала, как класса, изображенного Марксом в „Коммунистическом Манифесте“,—класса, который преобразует и творит мир, создавая новый строй,—но религией капитала для себя, старающегося освободить себя от каких бы то ни было общественных дел, чтобы сохранить за собой полную свободу и

спокойствие при выколачивании прибавочной стоимости, — именно поэтому идеалистически настроенная буржуазная молодежь скоро должна была взбунтоваться против либерализма. В своем порыве эта молодежь должна была броситься на поиски таких идей, которые были бы идеями борьбы. Возвращение к национальной романтике, к борьбе за независимость было для нее невозможно, ибо национальная идеология, потерпевшая полное поражение во время восстания 1863 г., была идеологией погибающего дворянства. Польская молодежь должна была искать того, что могло зажечь ее сердце, дать пищу уму не в прошлом, а в настоящем и будущем. Идеи социализма стали проникать в Польшу одновременно и с Востока, и с Запада. Брошюры Лассаля оказывали свое воздействие параллельно с произведениями Чернышевского, Бакунина, а также и русских народников.

Роза Люксембург выросла в семье, где она встретила с либерализмом, как с миросозерцанием более восприимчивых и гуманных людей, в атмосфере, насыщенной не столько идеями Бенгтама, сколько духом великих поэтов, и таким образом, впоследствии она восприняла социализм не как противоположность тому, что было усвоено ею в семье, а как дальнейшее развитие.

В гимназии она вступила в кружок, где усердно изучалась социалистическая литература. Это было время, когда развертывала свою деятельность первая крупная социалистическая организация в Польше, организация „Пролетариат“. В этой организации скрещивались немецкие социал-демократические и русские бланкистские влияния. Несомненно, плодотворнее всего из всей литературы этой организации повлияла на ум Розы Люксембург не тактическая позиция этой партии, а тот факт, что эта партия старалась создать программу для современности: юная девушка в то время, вероятно, совершенно не ставила перед собой вопроса, может ли социализм явиться в результате периода практической работы на почве капитализма, или пролетариат одним прыжком из царства капиталистической необходимости очутится в мире социалистической свободы. Сильнее и плодот-

ворнее всего должна была повлиять на нее ожесточенная борьба, которую вела эта партия как против национально-феодалного, так и против капиталистически-либерального миросозерцания. Статьи, брошюры и речи гениального отца польского социалистического движения молодого Людвиг Варынского, как и работы сгруппировавшихся вокруг него публицистов — Дикштейна, Мендельсона, Длуского и др., срывали маску с подлинного лица господствующего класса Польши. Под впечатлением этих статей передовые борцы за социализм, — интеллигенты, как и рабочие, — освободились от влияния буржуазии. Роза Люксембург, уже в ранней молодости всецело поглощенная польской литературой, — она сама писала очень талантливые рассказы, — была, вероятно, глубоко потрясена этим развенчанием столь дорогих ее сердцу польских романтиков, как и философов либерализма, на которых, благодаря остроте своего ума, оказывал длительное влияние английский социолог Спенсер. Уже тогда, еще будучи в гимназии, Роза Люксембург не довольствовалась чтением социалистических брошюр. Как человек, мысли которого постоянно рождали из себя действие, она приняла участие в социалистической пропаганде и агитации и, когда ее выследили шпики, была отправлена друзьями за границу. Уже в то время в социалистических кругах, вероятно, было отмечено будущее значение Розы Люксембург, так как через границу ее переправил не кто другой, как Мартин Каспшак, повешенный в 1905 г. в Варшаве царским правительством вождь польской социал-демократии. Уже тогда, в конце 90-х годов, Каспшак был в Варшаве фактическим лидером нелегальных рабочих кружков. Вместе с Розой Люксембург он прибыл в маленькое пограничное местечко, и, так как контрабандисты не могли переправить ее через границу, то он обратился к католическому ксендзу с просьбой о помощи на том основании, будто девушка хочет бежать за границу, чтобы там принять крещение. Поп спросил Розу Люксембург, не собирается ли она переменить веру ради земной любви. Роза Люксембург поклялась всем святым, что жаждет креститься из любви к христианству, после чего поп оказал ей содействие при переправе через границу. Таким образом,

она приехала в Цюрих, где занималась в университете политической экономией и одновременно чрезвычайно усердно изучала проблемы польского социалистического движения.

II.

В это время польское движение вышло из периода первых исканий и робких попыток. Постепенно оно переставало быть движением интеллигентов и становилось массовым рабочим движением. В середине 90-х годов в русской Польше началось мощное стачечное движение, когда возник так называемый „рабочий союз“. Рабочий союз отличается от первой социалистической партии Польши „Пролетариат“ тем, что он сознательно стал на почву массового движения и только в нем видел путь к социализму, отклоняя индивидуальный террор, как средство политической борьбы. Вследствие того, что рабочий союз видел путь к победе в массовом рабочем движении, перед ним стал вопрос о программном минимум. К рабочим массам нельзя являться с отвлеченным лозунгом социализма, — необходимо выдвигать конкретные задачи преобразований в рамках общественного и политического устройства государства, в которых приходится действовать. Это вытекает также из того факта, что массовое движение не может протекать, как движение конспиративное. Нельзя втиснуть массы в подполье, где прячется нелегальная организация, потому что они сломают эти рамки. Если массовое движение не может развиваться стихийными толчками, то должны существовать массовые организации, а затем уже будет пробита брешь в твердых самодержавия. Короче говоря, необходимо было начать борьбу против самодержавия за буржуазную конституцию, за демократию. Выполнением этой программы занялись социалисты-интеллигенты. Они занялись ею не только под давлением практической агитационной необходимости, но и под влиянием совершенно новых тенденций в польской общественной жизни. В 90-е годы наряду с волной массового рабочего движения Польша пережила также возрождение националистических тенденций. Мелкая буржуазия, пролетаризованная ка-

питалистическим развитием, выступила против буржуазии. Буржуазия всецело примирялась не только с подчинением России, но и с самодержавием, при условии, что под его крылышком она сможет обеспечить себе хорошую прибыль. Мелкая буржуазия, интеллигенция, более многочисленный класс, чем буржуазия, разумеется, нуждалась в гораздо большей свободе для своего развития, чем та, какую предоставляло им самодержавие. Мелкая буржуазия поэтому начала добиваться реформ как в деревне, так и в городе. Борьба за эти реформы сводилась к самым жалким требованиям, — это была просто оппозиция против самодержавия. В то время, как вхождение в состав России содействовало развитию капитализма, а вместе с тем, и буржуазии, оно для мелкой буржуазии означало ее гибель. Поэтому мелкая буржуазия должна была объединиться на почве более или менее отчетливо выдвинутого требования борьбы за независимость Польши. Короче говоря, феодальное движение за независимость, разбитое в 1863 г. наголову, восстало из мертвых в виде мелкобуржуазного и оппозиционно-реформаторского национализма. Интеллигенты-социалисты, вследствие этого, так же разошлись с массовым рабочим движением, которое не могло в 24 часа перепрыгнуть в мир социализма из царства самодержавия и нуждалось в переходных стадиях организации, просвещения и программы, выдвигающей задачи сегодняшнего дня, как и с мелкобуржуазным националистическим движением, ставившим своей целью независимость Польши и социальные реформы. Старая партия „Пролетариат“ в своей максималистской программе основывалась на совместной работе с сильным тогда террористическим движением в России и ставила своей целью социалистический переворот в объеме всей России, и поэтому теперь, когда террористическое движение в России потерпело полное поражение, она совершенно обессилела, между тем как рабочее движение еще не развилось. Казалось, что Россия отдана в жертву реакции на неограниченно долгое время. В таком положении большинство социалистов-интеллигентов видели решение вопроса в принятии программы борьбы за независимость Польши. Принятие в свою программу этого

требования должно было одним ударом убить двух зайцев; с одной стороны, пролетариат должен был быть выведен из состояния классовой обособленности, явившейся следствием затишья революционного движения в России, посредством практического союза пролетариата с мелкой буржуазией, а с другой стороны, независимость Польши, даже не имеющая ничего общего с социалистическим государственным строем, должна была стать почвой, на которой пролетариат мог завоевать социализм в упорной борьбе. В 1892 г. интеллигентские социалистические группы примкнули к так называемой Польской Социалистической Партии, которая выдвинула в своей программе независимость Польши, как ближайшую цель рабочего движения.

Роза Люксембург, Адольф Варский, Юлиан Карский, Рагынский, Веселовский и целый ряд других товарищей самым решительным образом отвергли этот лозунг, считая его показателем перехода польского рабочего движения на почву польского национализма. Опираясь на кружки лучших рабочих в Польше, они образовали социал-демократию русской Польши, основали свой печатный орган „Рабочее Дело“ и заложили основы марксистского рабочего движения в Польше. Руководящие принципы этой партии были, главным образом, делом Розы Люксембург. В 1893—1898 гг. борьба за марксистскую программу польского рабочего движения была главной работой Розы Люксембург. Основы для этой программы Роза Люксембург искала в анализе конкретных тенденций развития польского буржуазного общества. Вышедшая в 1897 г. ее докторская диссертация о „Промышленном развитии Польши“ сыграла роль главного арсенала фактов для аргументации польских марксистов. В бесчисленных статьях, частью в польском партийном органе, частью во всех периодических изданиях международного социализма, Роза Люксембург, выясняя очередные вопросы, ковала теоретическое оружие тактических и принципиальных доводов против одурманивания рабочего движения национализмом, при чем эти статьи являются не только достоянием польских коммунистов в настоящее время, но и двадцать лет спустя, когда разразилась великая мировая

война, образовали основу коммунистической оппозиции против крушения Второго Интернационала. Именно в этой борьбе, расколовшей польское рабочее движение, выработалось наименование: „социал-патриоты“. Юный польский социализм должен был решать ту проблему, которая впоследствии, на гораздо более высокой ступени развития международного рабочего класса, стала перед ним, как жизненная проблема: вопрос об отношении рабочего класса к национальному государству. Для того, кто сейчас пересматривает этот спор, становится ясным, почему Роза Люксембург и все, кто прошел сквозь огонь борьбы во время возникновения польской социал-демократии, когда настал мировой кризис 1914—18 гг., без колебаний заняли свою позицию на крайнем левом крыле Интернационала, и почему польские марксисты приняли такое живое участие в основании Коммунистического Интернационала.

Какие проблемы приходилось разрешать во время этой старой борьбы? Польские социал-патриоты заявили, что польский пролетариат в процессе своего развития должен добиться политической свободы. Политическая свобода невозможна без уничтожения национального гнета. Даже в том случае, если бы в России была завоевана буржуазная демократия, на что потребовалось бы очень много времени, русская буржуазия не устранила бы национального гнета. На этом основании утверждали, что польский пролетариат должен поставить своей задачей образование независимого национального государства. Независимость Польши соответствует интересам всей польской нации. Роза Люксембург в своем историческом исследовании прежде всего доказала, что в то время, как капиталистическое развитие объединяет польскую буржуазию с русской, в то время, как один и тот же процесс капитализирования России обеспечивает экономические интересы польской буржуазии так же, как и русской, классы, стоящие на почве капиталистического развития, совершенно не заинтересованы в образовании самостоятельного польского государства. Капиталистическое государство представляет собой организацию господства буржуазии. Среди польской буржуазии совершенно не возни-

кает никакого движения в пользу независимости Польши, потому что даже феодально-самодержавное государство так же обеспечивает польской буржуазии свободу эксплуатации пролетариата, как и империалистическая экспансия на Востоке. К независимости стремятся только обреченные на гибель мелкобуржуазные классы, которые боятся быть раздавленными колесом истории вследствие пролетаризации, и их оппозиция против капиталистического разложения Польши, имеющая следовательно, реакционный характер, прикрыта социал-реформаторскими лозунгами, критикой и лозунгами националистическими. В том случае, если буржуазное развитие России вступит в противоречие с реакционными формами самодержавного режима, то хотя среди польской буржуазии возникнет движение в пользу либерального преобразования России, но не будет никакого стремления к разрушению единства России и к образованию независимой Польши. Если пролетариат намерен выдвинуть в качестве лозунга независимость Польши, то ему пришлось бы свергнуть не только самодержавие, но и капитализм. Независимость Польши, это требование программы-минимум, является только почвой для подготовки и организации борьбы пролетариата за социализм, и прежде, чем начнется этот подготовительный период, на завоевание независимости Польши придется затратить такие усилия, которых хватит даже для завоевания социализма, ибо в том случае, если бы рабочий класс Польши имел достаточно силы, чтобы навязать свою волю не только уже обанкротившемуся тогда самодержавию, но и только-что начавшей свое развитие молодой буржуазии, то непосредственно после своей победы он был бы в состоянии ввести социализм. Эта конкретная критика показывает, что лозунг независимости Польши все не является программой-минимум пролетариата, но и что это — утопический лозунг, — утопический, ибо отвоевание самого узкого пространства для борьбы за социализм потребовало бы от пролетариата огромного напряжения усилий, достаточных для завоевания социализма, следовательно, таких сил, которые могут развиваться только после долгой борьбы на почве демократии. Этот конкретный историче-

ский анализ лозунга независимости Польши привел к постановке одного принципиального вопроса.

Является ли практически национально-территориальная независимость безусловно необходимой для рабочего класса в его освободительной борьбе? Роза Люксембург доказала что буржуазии необходимо не национальное, а капиталистическое государство, стоящее на страже ее интересов против пролетариата и обеспечивающее внешнюю экспансию. Точно так же рабочий класс чувствует потребность не в национальной независимости, а в буржуазных свободах, как в оружии борьбы за социализм. Чтобы вести борьбу за социализм, пролетариат должен иметь минимум политических свобод, позволяющих ему создать массовые организации и развернуть свои силы. Он нуждается в прессе, в свободе союзов и собраний, он нуждается в избирательном праве. Все это — его реальные демократические потребности, но к их числу не относится особая национальная территория, хотя бы все были согласны с тем, что ему легче всего развиваться там, где при всех прочих равных условиях его сознание не затемняется национальной борьбой. Следовательно, если требование независимости означает совершенно отвлеченную, воображаемую, а не реальную потребность рабочего класса, то совместная с буржуазией борьба за независимость означает не что иное, как подчинение пролетариата буржуазии. Если пролетариат достаточно силен, чтобы завоевать социализм, то он не поставит вопрос о границах своего государства в зависимость от национальной точки зрения. Территориальное деление социалистического мира, если только оно окажется необходимым, будет устанавливаться по признаку производственному, а не с национальной точки зрения. Но если пролетариат слишком слаб, чтобы взять в свои руки власть, если, следовательно, национальное государство окажется органом господства буржуазии, то борьба за образование национального государства, если оно мыслится, как программное требование пролетариата, намечаемое в качестве цели практической борьбы, ничего больше не означает, как только, что пролетариат собственными руками создает организацию своего угнетения. Следовательно, рабо-

чий класс должен вести борьбу за демократические свободы, считая их не средством борьбы против буржуазии, но именно в союзе с буржуазией за создание капиталистического государства, чтобы затем на его почве снова вести борьбу за демократическую свободу, которая должна стать орудием его освобождения! Если свести эти доводы, красной нитью проходящие через все произведения Розы Люксембург этого периода, к исторической формулировке, то она выразится в следующем: создание капиталистических государств является исторической задачей буржуазии, органом власти которой может быть только капиталистическое государство. Задача пролетариата заключается в том, чтобы вести борьбу за демократию на почве уже существующего капиталистического государства. Вооруженный демократией, еще слабый пролетариат организуется и просвещается, чтобы затем, когда его силы значительно вырастут, начать борьбу за диктатуру, как за средство своего освобождения. Эта точка зрения, установленная Розой Люксембург, в результате борьбы за определение программы польского рабочего класса, двадцать лет спустя стала исходным моментом стремления пролетариата к своему собственному возрождению после крушения II Интернационала, при чем это происходило в гораздо более сложных условиях. Не приходится, конечно, здесь говорить о том, что II Интернационал считал эту точку зрения доктринерской.

III.

Закончив свои университетские занятия, Роза Люксембург приобрела право германского подданства путем фиктивного брака с сыном некоего Любека, в семье которого она жила в течение года, а затем переселилась в Германию, где продолжала борьбу против социал-патриотических тенденций в польском рабочем движении. В этой борьбе ей приходилось вступать в очень резкие столкновения с Вильгельмом Либкнехтом, верным усвоенному старой демократией лозунгу независимости Польши и неспособным понять контр-революционный смысл этого лозунга в данной исторической си-

Роза Люксембург.

туации пролетарской классовой борьбы. Литературная и практическая деятельность Розы Люксембург в рядах польского рабочего движения в Германии,—в русской Польше преследования самодержавия с 1897 г. на несколько лет подавили социал-демократическое движение,—не исчерпывала собой ее деятельности. Вообще она приняла участие в разгоревшейся тогда борьбе радикальных и оппортунистических тенденций в Интернационале, и притом настолько значительное, что ее имя стало одним из самых известных в международном социализме.

Роза Люксембург выступила сначала в „Leipziger Volkszeitung“ и в дрезденском „Arbeiter Zeitung“, а затем в „Neue Zeit“ против проявлений реформизма во всеоружии теоретических знаний и практического опыта. Реформизм не выступил в рабочем движении с открытым забралом, но, подобно хамелеону, отливал всеми цветами радуги, в зависимости от той страны, где он возникал, в зависимости от среды, где он работал. В области практики реформисты выступали как трезвые практики, замечая только то, что они могли ощупать собственными руками, в области теории реформист выступал в качестве идеалиста, противника материалистической односторонности Маркса, как проповедник категорического императива. Прижатый к стенке, он высказывался чрезвычайно двусмысленно. Он хотел сказать, собственно, что не создает ничего нового и только доводит до полноты сознания, чем на самом деле является рабочее движение. Позиция вождей радикального направления в международном социализме по отношению к ревизионизму не была и не могла быть единой, хотя бы по той одной причине, что само радикальное направление в Интернационале не обладало единством. Когда Бернштейн начал звонить о своих сомнениях, Каутский занял колеблющуюся позицию. В выступлении Бернштейна он не заметил ничего, кроме сомнений пытливого ума. Жюль Гэд, представитель французского марксизма, не умел противопоставить оппортунистической теории и практике Жана Жореса ничего, кроме упорного цепляния за уже достигнутые результаты марксистского учения. Виктор Адлер, политиканствующий вождь австрий-

ской социал-демократии, к этому времени сам стал открыто склоняться к оппортунизму. Только старик Плеханов начал ошеломлять мир своими пудовыми аргументами и обвинениями, в такой же мере проникнутыми глубокой ученостью, как и отталкивающими своей апологетической внешностью. Только Роза Люксембург сумела внести в хор голосов, протестующих против ревизионизма, свою особую ноту. То, что было ею написано, несмотря на незначительный объем, несомненно, представляет собой лучшее из всего вообще написанного в защиту марксизма и для теоретического разоблачения оппортунизма. Прежде, всего она занялась не защитой уже достигнутых результатов марксизма. Каждая ее работа выясняла путь, по которому Маркс пришел к своим выводам. Затем, применяя тот же самый метод, при помощи которого Маркс изучал прошлые исторические эпохи, она намечает новые вопросы, использованные ревизионизмом для доказательства неверности марксизма. И тогда выяснилось, что ревизионизм потому должен был приняться за ревизию Маркса, что он никогда и не умел пользоваться марксизмом как методом. Действительность, которая, будто бы, должна была опровергать марксизм, в руках Розы Люксембург неизменно оказывалась мощным подтверждением марксистской теории развития; оказывалось, что только на основе понимания действительности можно объяснить те явления, которые, по мнению ревизионистов, опрокидывают, будто бы, марксистскую теорию. Несмотря на исторический характер, приобретенный в произведениях Розы Люксембург марксистской теорией, она была подобна гранитному утесу, как такая общественно-историческая теория, которую можно только или принять целиком, или целиком же отвергнуть. Под ее ударами ревизионизм рассыпался, показав свое истинное лицо безыдейного эклектизма. Идеалистическая теория ревизионистов проявила себя, как воплощенная неспособность справиться с вопросами современности, как теоретическое блуждание ошупью, едва прикрывающее собой оппортунистическую беспомощность. Однако, Роза Люксембург не удовольствовалась вскрытием теоретического содержания ревизионизма, как пережевывания и повторения пережитков

буржуазного мирозерцания. Как ни значительна, как ни блестяща эта ее теоретическая работа, но не здесь лежит центр тяжести. Особая нота борьбы Розы Люксембург против ревизионизма выражается в том, что она мощным усилием вырвала из ревизионизма и обнаружила его социально-политическую сердцевину и, таким образом, начала борьбу против ревизионизма уже не на почве теоретического кропотельства, а повела ее, как борьбу против практически буржуазных тенденций в рабочем движении: Беспощадность борьбы Розы Люксембург против ревизионизма, ядовитые насмешки, которыми она осыпала его, яростность, с какой она нападала на него,—все это было отнесено на счет ее вулканического темперамента. Но такое мнение совершенно поверхностно. Роза Люксембург была, как немногие, знакома с историей международного рабочего движения. Для нее это движение никогда не было книгой исторических рассказов о жизни и учении создателей различных социалистических систем. Книга истории международного рабочего движения показала ей, что борьба мнений в рабочем движении всегда имела под собой более глубокие социальные основания, что борьба из-за метода, из-за тактики скрывала за собой борьбу различных группировок за преобладание в рабочем движении, при чем оппортунистическое направление всегда выражало мнения той части рабочей аристократии, которая ближе всего к буржуазии. В ревизионизме Роза Люксембург видела теорию, которая соответствовала не только практике элементов, влившихся в Германию в партию благодаря закону против социалистов и после победы парламентаризма в Италии и во Франции, но также и политике того широкого слоя рабочего класса, который, поднявшись на известную высоту, благодаря волне промышленного подъема, начал укреплять свое положение в рамках буржуазного общества. Ведя борьбу против ревизионизма, она, вместе с тем, вела борьбу против попытки обуржуазить рабочее движение, предпринятой парламентариями и бюрократией профессиональных союзов, опиравшимися на настроения групп рабочего класса, больше всего выигравших от промышленного подъема. Ревизионизм Роза

Люксембург рассматривала как преходящее явление. Она была убеждена, что растущее обострение классовых противоречий обессилит его, благодаря тому, что выбросит его на поверхность, как всякое сильное течение. Однако, она не соблазнилась политикой терпеливых братских увещеваний. Она знала, что такого рода течения не проходят бесследно, понимала, какую разрушительную работу совершил оппортунизм, и боролась против него со всей своей страстностью. На все убеждения, что здесь дело идет о разногласиях внутри социалистического лагеря, она отвечала, что дело идет, наоборот, о борьбе против буржуазии, влияние которой контрабандой протаскивается ревизионистами в лагерь социализма. И так как она рассматривала оппортунизм в общей связи со всем прошлым рабочего движения, которое она мастерски умела изобразить во всех его многообразных проявлениях, соответственно различию структуры стран, где ведется борьба,—в своих исследованиях о кризисе французского, бельгийского социализма в неменьшей мере, чем германского,—то она умела сделать из споров о тактике текущего момента блестящие выводы о будущем.

Работа о социальной революции, которой заканчивается написанная ею в 1899 г. критика Бернштейна, показывает, до какой степени были близки и актуальны для нее вопросы социальной революции, как тесно были связаны для нее эти вопросы с современной борьбой пролетариата. Она ставит вопрос о социальной революции с совершенно исключительным в социалистической литературе мастерством. Доказывая, в противоположность ревизионистам, что преждевременная победа социализма невозможна, или, другими словами, что рабочий класс только путем обострения классовых противоречий, только на опыте поражений, как и побед в этой борьбе, может развиться в фактор, который возьмет в свои руки судьбу всего мира, она тем самым показывает, что ее радикализм вовсе не ограничивается ожиданием какой-то необычайной сумятицы и переполоха, а выражается в стремлении к обострению противоречий, пока они не примут широкого и глубокого характера, являющегося признаком социальной революции. Если окинуть взором эту фазу раз-

вигия Розы Люксембург, то станет ясно, что марксизм вовсе не был для нее только способом объяснения современности но означал теорию переворота,—теорию, которую Роза Люксембург никогда не считала предметом обсуждения в узком кругу знатоков-ученых, но видела в ней вопросы сознательной борьбы масс. Роль вождей, по ее мнению, как она писала по поручению Дрезденского партийного съезда, заключается в том, чтобы стать излишними, когда они научат массу при помощи марксизма и проводимых в соответствии с ним выступлений, настолько хорошо ориентироваться в окружающей действительности, что она окажется в состоянии вести борьбу самостоятельно. Споры о ревизионизме закончились его теоретическим поражением на Дрезденском партийном съезде и на Амстердамском конгрессе Интернационала, которые вернулись на почву радикализма. Начавшееся одновременно с этим обострение классовых экономических и политических противоречий доказало правильность марксистского анализа, подтвердило, что рабочий класс вступает в новый бурный период. Этот период начался русско-японской войной и закончился взрывом русской революции.

IV.

Роза Люксембург приняла горячее участие в битвах русской революции. В обсуждении выдвинутых русской революцией вопросов она обнаружила глубину своего ума и характерные качества мыслителя и вождя. Сжатые статьи, в которых она сначала освещала в „Neue Zeit“ отдельные вопросы революции, ее памфлеты, изданные на польском языке, время-от-времени выходившие под заглавием „Что же дальше?“ в „Красном Знамени“, центральном органе польской социал-демократии, осветили эту работу во всей ее полноте. Роза Люксембург никогда не пользуется шаблонными лозунгами, провозглашенными сверху; она всегда стремилась к тому, чтобы на основании жизненного понимания, живой классовой борьбы выяснить тактику социал-демократии. В конце 1905 г. она нелегально прибыла в Польшу, и никто, кому выпало тогда на долю счастье вместе с ней

работать в движении, не забудет, как она подходила к вопросам. Все мы, в то время еще юноши, смотревшие на нее, как на свою учительницу, на всю жизнь обогатились ее работой даже в тех случаях, когда не были согласны с результатами этой работы. Роза Люксембург во всем проявляла полную свободу от того догматизма, который ставился в вину марксизму, доказывала, что она учится у действительности, точно так же как и умение обсуждать боевые вопросы движения или вопросы, уже решенные для международного социализма, но которым в новой революционной ситуации она всегда умела придать совершенно новый облик, — напр., вопрос о профессиональных союзах и о роли партии во время революции 1905—06 гг. или новые вопросы, связанные с значением массовой стачки во время революции. Никогда марксизм не был для Розы Люксембург застывшим выводом, но всегда живым методом исследования.

В своей брошюре о массовой стачке, написанной в конце 1906 г., Роза Люксембург извлекла полезные для международного рабочего класса выводы из уроков русской революции. Эта брошюра является первоосновой очередной фазы развития социализма. Она кладет начало обособлению коммунистического движения от социал-демократии. Если Меринг мог назвать ее в „Neue Zeit“, официальном органе германской социал-демократии, гениальным опытом применения марксистского метода исследования, не встречая возражений со стороны Каутского и других корифеев социал-демократии, при чем одновременно с этим он с величайшей похвалой отозвался о работе Карла Реннера об основах развития австрийской социал-демократии, — о работе, использовавшей марксистский метод для оппортунистических целей, — то это показывает, что намечавшееся расхождение осталось незамеченным даже таким проницательным умом, как Меринг. На Эссенском партийном съезде это расхождение обозначилось на практике, когда Бебель подверг пересмотру позицию, установленную партией в Иене в 1905 г. по отношению к массовой стачке. На Иенском съезде германская социал-демократия под влиянием русской революции приняла массовую стачку, как оружие борьбы. Но она при-

няла ее исключительно как оборонительное оружие: нападение на избирательное право и право собраний необходимым образом должно привести к массовой стачке, при чем возможно, что обратно, при известной ситуации, пролетариат может даже использовать стачку, как оружие наступательной борьбы. Методологически социал-демократия осталась на той почве, на которой она стояла в течение длительного периода предшествующего развития, в первую очередь на почве парламентского движения. Массовая стачка получила признание только как такое средство, которое укрепляет эту почву, но, тем не менее в политическом отношении иенская резолюция была шагом вперед, так как она перенесла центр тяжести на агитацию и массовое движение. Между тем, уже два года продолжалась буря русской революции; она впервые открыла взорам тогдашнего поколения динамику революции, в которой принимают участие широкие массы. Она показала, до какой степени невозможно отделить экономическую борьбу от политической, показала, как стихийно возникает борьба, едва только массы приходят в движение, и выяснила, что роль социалистической партии в этом движении заключается не в том, чтобы торговаться, но в том, чтобы внедрить в сознание масс, пришедших в движение, смысл их выступлений и посредством лозунгов, как и путем организации, объединяющей движение, ускорить и углубить революцию. Но эти великие уроки русской революции, оказавшие решающее влияние на каждого из ее участников и на его взгляды, оставались для руководящих кругов германской социал-демократии книгой за семью печатями. Уже однажды случилось, что один из вождей германских профессиональных союзов, в закрытом заседании генеральной комиссии, протоколы которого были опубликованы синдикалистами, выяснил, как радовались оппортунистические руководители тому, что волны русской революции схлынули, и они могли рассчитывать на прекращение возбуждения и в немецком рабочем классе, благодаря чему можно будет продолжать борьбу по старому хорошо знакомому образцу. Вероятно, „радикальные“ вожди не испытывали при этом никакой радости; но совершенно очевидно, что круше-

ние русской революции стало для них исходным моментом умеренной политики. Центральный Комитет партии заключил с генеральной комиссией немецких профессиональных союзов договор, в силу которого стачка может быть только при условии соглашения между партией и профессиональными союзами. Эта причудливая идея революции по праву договора свидетельствует о том, в какой степени права была Роза Люксембург, когда на съезде она воскликнула, что для представителей этого взгляда русская революция была совершенно бесполезна, ибо они ничему у нее не научились. На Эссенском партийном съезде Розе Люксембург пришлось бороться уже против самого Бебеля.

Глубокое расхождение в радикальном лагере обозначилось уже вполне отчетливо. Но еще не стало ясно, что Карл Каутский, соратник Розы Люксембург, окажется теоретиком центра партии, застойного болота, колеблющегося между радикальным действием и радикальным словом. Вышедшая в 1908 г. его брошюра „Путь к власти“ как-будто намекала на то, что он готов встретить надвигающуюся бурю и пойдет рука-об-руку с радикалами. Казалось, что партия держит курс против ревизионизма. Споры в Нюрнберге по вопросу о бюджете показали, что партийная бюрократия оседлала конька радикализма; но вскоре выяснилось, что это было видимостью. Настал поворотный момент для германского рабочего класса. Его организации росли как в политической, так и в экономической области; однако, в экономической области буржуазия противостояла ему все более сплоченной фалангой. Победы, достигнутые профессиональными союзами посредством маневрирования, становились все более редкими и сводились на-нет сплоченным противодействием буржуазии. О помощи со стороны парламента нечего было и думать. Парламент выступал против рабочего движения все более сплоченно и реакционно, подобно тому, как все более единодушно он переходил на почву империализма, напрягавшего все финансовые силы государства. Но даже, если бы парламент захотел, он был бы бессилен против организованных сил милитаризма и тяжелой индустрии. В самом крупном германском государстве, в Пруссии,

крупный капитал, как и юнкерство, забаррикадировался трехклассовой избирательной системой. Так как трехклассовая палата не только имела решающий голос по важнейшим культурным вопросам, но в ее распоряжении находилась и судьба счастья или бедствий миллионов горнорабочих или железнодорожников, то растущее недовольство народных масс обратилось против прусской реакции, в надежде путем победы на выборах в рейхстаг победить реакцию, а к ландтагу относилось совершенно равнодушно. Роза Люксембург, ни на момент не сомневавшаяся, что изменение прусского избирательного права не может вызвать никакого значительного изменения в соотношении сил в пользу рабочего класса, ни в коем случае не относилась доктринерски к этому растущему недовольству, но искала каждой возможности принять участие в борьбе, чтобы углублять и обострять ее, ибо дело шло о движении масс, каковы бы ни были массовые иллюзии в начальной стадии борьбы. После нескольких налетов с ее стороны партийная бюрократия заняла по отношению к ней враждебную позицию. Выяснилось то, что было совершенно ясно уже давно для каждого знатока партийной организации: так-называемые радикальные партийные вожди были радикальны на словах и оппортунистичны на деле. До тех пор, пока дело шло о голосовании в парламенте, они боролись против ревизионизма; находясь в зависимости от самых активных элементов партии, принимавших участие в партийных собраниях, они вынуждены были сохранять внешнее приличие и поддерживать формулы радикализма в противовес ревизионистским лидерам, рекрутировавшимся из двух лагерей, из лагеря чиновничества профессиональных союзов, для которого радикальные вопросы имели значение помехи при переговорах с предпринимателями, и из партийных руководителей мелкобуржуазных провинций, которые, в своих мелочных конфликтах с государственной властью на местах поневоле усваивали мелкобуржуазную фразеологию. Но как только заходило дело о подлинном радикализме, о том, чтобы обратиться к рабочим массам, чтобы сделать попытку углубить возникающее движение, немедленно партийная бюро-

кратия проявляла свое полное бессилие. Она привыкла пользоваться исключительно парламентскими средствами и боялась массового движения. Как Николай I жаловался, что война приводит в беспорядок армию, так и они боялись, как бы массовое революционное движение не разрушило организации, которая была для них самым важным. Партийная и профессиональная бюрократия сомкнулась против низовой инициативы. Борьба за избирательное право в Пруссии была подавлена. Партийная бюрократия утешала массы великой победой, которую предстояло одержать на общенемецких выборах 1912 г. Но вместо того, чтобы при помощи массового революционного движения разрушить стену, преграждавшую путь пролетариату, она потрясла избирательным бюллетенем как тем ключом, который должен отпереть ворота в этой стене, и поэтому ей пришлось сделать последний вывод из своей позиции. Отказываясь от самостоятельного выступления, она была вынуждена вступить в соглашение с буржуазией, выдвинуть и провести в жизнь во время выборов 1912 г. идею коалиции с либералами.

Партийные вожди, казавшиеся до сих пор радикалами, сами с себя, таким образом, сорвали маски, и это, вместе с тем, означало, что сорвана маска с официальной партийной теории, выдвинутой в первую голову Каутским. Карл Каутский, который, как было сказано, в 1908 г. возвестил эру надвигающейся социальной революции, теперь выступил против пропаганды массовой стачки и за союз с либералами. Фактический раскол в лагере радикализма, деление партии на ревизионизм, центр и левый радикализм, повлекли за собой раскол и в лагере марксизма на левых радикалов и каутскианцев. Роза Люксембург первая обнажила меч в этой великой борьбе, и, главным образом, именно она проводила ее. Ее полемика против Карла Каутского по вопросу о массовой стачке, в которой совместно с ней участвовал, давая самостоятельный глубокий анализ, Антон Паннекук, показала, что официозный марксизм так же мало понимал смысл русской революции, как и партийная бюрократия. В то время, как Роза Люксембург считала русскую революцию, несмотря на ее зависимость от особых социальных

условий России, первой пробой социальной революции, Каутский старался свести все уроки русской революции к этим особым условиям и доказывал, что точка зрения Розы Люксембург является просто механическим перенесением опыта русской революции на совершенно иные германские отношения. В России, будто бы, массовое движение имело стихийный характер потому, что при самодержавии рабочий класс не в состоянии организовать, и потому, что он не был организован, так как подвергался гораздо большей эксплуатации, чем германский рабочий класс, а поэтому экономическая борьба должна была в России совпадать с политической,—таковы были выводы Карла Каутского. В Германии будет совершенно иное положение. Здесь профессиональные союзы будут вести экономическую борьбу совершенно обособленно от политической. Массовые политические стачки возможны только в организованной форме, при условии, если во главе их стоят партия и профессиональные союзы. Но партия и профессиональные союзы не могут бросаться в авантюры: им пришлось бы рисковать слишком многим. Они должны выжидать, пока сам противник принудит рабочие массы к борьбе. До тех пор они должны использовать все возможности, к числу которых принадлежит избирательное соглашение с буржуазией. Достаточно вспомнить теперь все обвинения, выдвигавшиеся Каутским против германской революции; достаточно только вспомнить, как он обвинял немецких рабочих, будто они проводят свою борьбу несистематически и неорганизованно, но подчиняются высшим инстанциям и советам своих теоретиков; достаточно вспомнить о результатах коалиции с буржуазией, за которую высказывался Каутский в ноябре, когда он даже подчинялся, как младший помощник, господину Зольфу, последнему министру иностранных дел в правительстве Вильгельма,—достаточно всего этого, чтобы сделать излишней новую защиту позиции Розы Люксембург в ее борьбе против Каутского. Особенностью точки зрения Розы Люксембург было вовсе не схематическое перенесение опыта русской революции на чуждую почву, а то обстоятельство, что, благодаря русской революции, она выработала ясное представление о массовом

движении, и, поскольку при выработке этого представления главную роль играла русская революция, она послужила характерным примером, который помог ей понять будущее, формы массового движения в грядущей революционной схватке. Кто теперь перечитает довоенные статьи Розы Люксембург о роли партийной бюрократии, тот сумеет проследить по ним все главные основы грядущего крушения международного социализма в мировой войне. Это—первый источник, отмечающий рождение коммунистического движения в Германии. Он показывает, насколько далеко в прошлое уходит коммунистическое идейное развитие, показывает, какой почвенный характер имеет германский коммунизм, как глубоко коренится он в прошлом германской социал-демократии. Рука-об-руку с этими разногласиями в области внутренней политики шли в германской социал-демократии разногласия в области внешней политики. Если империализм был высшей формой объединения всех сил германского капитала, то этим самым устанавливается тот факт, что германская социал-демократия, отказывавшаяся от всякой попытки обострения борьбы против германского капитала, была совершенно бессильна по отношению к империализму. Так как она не могла открыто сознаться в своем бессилии, в своей неспособности вести борьбу против империализма, угрожавшего рабочему классу его полным уничтожением, то ей пришлось, как это вообще свойственно более слабым, создать иллюзии о самой себе. Германская социал-демократия старалась в своей печати, в своих парламентских выступлениях представить империализм, как политику тяжелой индустрии. Она отрицала его всеобщий характер, его значение, как господствующей политики капитализма в эпоху его наибольшей зрелости, она старалась убедить массы, будто влиятельные слои мирового капитала заинтересованы в разоружении, и будто рабочий класс может вступить с ними в союз, чтобы преодолеть опасность империализма. Когда это воззрение стало все более утверждаться в печати и в парламентских выступлениях, я начал борьбу против него в военной комиссии Копенгагенского конгресса Интернационала. Из всей партийной печати меня поддержали ре-

дакции только двух рабочих газет—бременской и лейпцигской. Во время дискуссии, начавшейся после Копенгагенского конгресса, сейчас же обнаружилось, что Карл Каутский, до сих пор чрезвычайно проникательно освещавший тенденции империализма, теперь проявил полное бессилие. Каутский перешел на сторону социал-пацифистов и стал их знаменосцем; но с такой же последовательностью Роза Люксембург перешла на нашу сторону, на сторону небольшой группы, борющейся против опасности социал-пацифизма и видевшей в нем почву, на которой сходились ревизионизм и партия центра. Она немедленно перенесла борьбу в область политических выступлений, со всей энергией выдвинув во время авантюры в Марокко обвинение против Центрального Комитета в бездеятельности и высказавшись за массовую стачку, как единственное средство борьбы против войны. Позже в лагере левого радикализма возникли разногласия по вопросу о теоретическом анализе движущих сил империализма. Книга Розы Люксембург о накоплении капитала, дававшая глубоко продуманную своеобразную теорию империализма, не встретила единодушного сочувствия со стороны теоретиков левых радикалов; но в практическом вопросе о массовых выступлениях, о борьбе против социал-пацифизма лагерь левых радикалов выступил сплоченно, и, как в вопросе о массовой стачке, уже тогда выработался конкретный взгляд, до сих пор поддерживаемый коммунизмом в вопросах мировой политики. Было признано, что эпоха мировой войны является эпохой начинающейся мировой революции. Началась борьба за единый фронт пролетариата против коалиции мирового капитала, и был выдвинут лозунг против опасности войны: лучше восстание, чем война!

V.

Война разразилась. Рабочие массы стояли в нерешительности. Часть их, связанная с капитализмом мелкобуржуазными условиями своего существования, чувствовала ответственность за судьбы отечества, которое считала своим собственным отечеством. Другая часть стояла в нерешимости,

ожидаю лозунга от партии. Эта часть не обладала в достаточной степени революционной самостоятельностью, чтобы восстать, не имея вождя, или даже только для того, чтобы протестовать против войны. На ее знамени можно было прочесть только один лозунг: „Товарищи, не поддавайтесь провокации!“ Но после нескольких дней нерешимости партия нашла свой лозунг; она высказалась не за то, что говорила всегда, — по выражению Гаазе 4-го августа, — но за то, что она делала в последние десятилетия. Она призналась в своей неспособности к борьбе, призналась в том, что связана с буржуазией. Международная, „стремящаяся к освобождению народов“ социал-демократия, или как еще там она величаетя в патетических резолюциях партийных съездов, превратилась в барабанщика, зовущего на бой, и рабочие массы, брошенные империализмом на поля сражений, в возмещение своих страданий были одурманены, как опиумом, мыслью, будто они умирают не за дело капитала, а за рабочий класс. Во фракции рейхстага скоро обнаружилось, до какой степени прогнил левый официальный радикализм. Все острые и злые нападки, когда-либо высказанные Розой Люксембург в ее произведениях на партийных божков, на партийных секретарей, на партийных редакторов радикального направления, — все это было недостаточно сильно сравнительно с действительностью. Открытое предательство, в лице фракции, оскалило зубы на пролетарские массы. Оно лишило энергии двух человек, решившихся сделать минимум того, что было возможно, — открыто заклеить войну отказом голосовать кредиты. Однако, бессилие, каким был охвачен 4-го августа Карл Либкнехт, охватило и лучшие круги рабочего класса. Было такое чувство, точно совершенно бесполезно писать против крушения партии. Пятьдесят лет писалось в защиту революционного социализма, — и что же, разве это помогло? В течение нескольких дней Роза Люксембург находилась в припадке дикого отчаяния. Кружок ее друзей боялся за нее, потому что у нее было больное сердце. Но скоро она взяла себя в руки и одна из первых начала борьбу против предательства. Она объехала всю Германию, пыталась связать разорванные нити, выясняла

возможности, открывающиеся при данном положении. Вскоре она начала в печати, — в ее распоряжении был только маленький партийный листок в Иене, — борьбу против всех одурманивающих фраз, которыми пользовались социалисты большинства, чтобы направить массы на неверный путь. Само собой разумеется, точка зрения, установленная Розой Люксембург с первого дня войны, была выработана уже двадцать лет назад, во время программных споров в польском социализме. Война грозила уничтожением национальной независимости отдельных государств. Защитники точки зрения, — согласно которой пролетариат в особенности заинтересован в существовании национального государства, должны были начать национальную оборону. Защита национальной самостоятельности данного государства означала при действительном положении вещей угрозу национальной независимости других государств, защита которых, однако, составляла жизненный интерес пролетариата других стран, с точки зрения социал-патриотической, с националистической точки зрения, — это наименование, возникшее на польской почве в программной борьбе внутри польского социализма в 1893 г., получило теперь интернациональное распространение, — и приводила к признанию непримиримости противоречия интересов пролетариата отдельных стран. Рабочий класс в каждой из них был заинтересован в защите независимости своей страны и каждый становился орудием в руках империализма для разрушения независимости других стран. Коллеблющиеся элементы социализма старались избежать этого противоречия, закрывая глаза на действительность и объявляя целью войны мир без побежденных и победителей: Социал-патриоты, превратившиеся в социал-империалистов, не только высказали мнение, что своя рубаха ближе к телу, — более того: они объявили, что возможное порабощение других народов является историческим прогрессом, соответствует интересам пролетариата, так как благодаря этому порабощению в политической области произойдет такая же концентрация, как и в области экономической благодаря трестам. С марксистски-коммунистической точки зрения, установленной теоретическими работами Розы Люксембург, во-

просы решались совершенно иначе. Если национальное угнетение одной части мирового пролетариата буржуазией страны-завоевательницы означает частичное лишение политических прав этого пролетариата, против чего он должен вести борьбу, то этот же самый факт означает и потерю прав пролетариатом победоносных наций. Те самые органы, которые, напр., в интересах германской буржуазии будут угнетать бельгийский пролетариат в случае победы Германии, будут одновременно угнетать и немецкий пролетариат. Спасение от этой возможности ни в коем случае не заключается в победе Антанты, которая, как показал результат войны теперь, в политическом, экономическом и национальном отношении эксплуатирует немецкий пролетариат и для этой цели должна создать машину, которая будет угнетать и пролетариат Антанты. На более ранней ступени исторического развития единственно возможным лозунгом была бы борьба за демократию в победоносной стране, ведущаяся совместно с пролетариатом и побежденной, и победоносной страны. Этот лозунг был недостаточен, как и всякая попытка решать вопрос, оставаясь на почве капитализма. Дело в том, что капитализм не допускает никакой действительной демократии и, следовательно, никакого действительного уничтожения национального гнета. Во всемирно-исторических условиях мировой войны 1914—18 г., когда имеется налицо объективная возможность превращения капиталистического общества в пролетарское, социальная революция, разрушение капиталистического государства, образование пролетарского государства, не знающего эксплуатации и имеющего возможность отказаться от какого-бы-то ни было национального гнета, являются историческим лозунгом. Не национальная защита капиталистических стран, но социальная революция, диктатура пролетариата, союз пролетарских государств,— таков ответ, который должен быть дан с коммунистической точки зрения, и Роза Люксембург дала этот ответ в 1914 г. Она могла дать его, ни минуты не колеблясь, потому что эта точка зрения была подготовлена теоретической работой, выполненной ею в молодости. Но теперь дело шло не о пропагандистской защите теории, определенной точке зре-

ния, но о борьбе, — дело шло о том, чтобы, несмотря на все опасности, пойти в массы, создать нелегальную революционную организацию. Принимая во внимание мирные легальные навыки немецких товарищей, это казалось почти невозможной вещью. Когда в ноябре 1914 г. я прибыл в Швейцарию, чтобы там приобрести „*Berner Tagwacht*“ и сделать его заграничным органом германской оппозиции, и, после своего возвращения, беседовал с товарищем Францем Мерингом о способах нелегальной переправки газеты, Франц Меринг рассказал, что Роза Люксембург боялась, как бы немцы, когда им придется перейти на конспиративное положение, не попали в руки полиции еще легче, чем если бы они вели работу открыто. Но там, где сильна революционная воля, она преодолевает даже технические препятствия. Кружок, объединившийся вокруг Розы Люксембург, стал носителем радикальной германской оппозиции. Несмотря на непрерывные аресты, несмотря на отсутствие материальных средств, этот кружок сумел нелегально объединить в себе большую часть прежней левой радикальной оппозиции партии. Когда выступление Либкнехта в парламенте подало сигнал к борьбе, то именно речи Розы Люксембург на сотнях партийных собраний и нелегальная печатная пропаганда, организованная с начала 1915 г., сплестили в партию левую радикальную оппозицию. Борьба велась на два фронта. Она точно так же была направлена против представителей официальной социал-демократической политики, против людей 4-го августа, как и против тех, кто считал себя оппозиционерами против Гаазе и Ледебура, которые, хотя они выступали внутри фракции, как противники голосования за кредиты, но всеми силами противодействовали появлению в партии открытой оппозиции, развернув знамя партийного единства и написав на всех заборах лозунг: „Берегись раскола!“ Вся тяжесть борьбы была направлена против теоретиков этой тоже-оппозиции, против Карла Каутского, который, даже после полного крушения своей политики не только не вернулся на прежнюю позицию, но и, напротив, своей фразой об Интернационале, как об орудии борьбы классов в мирное время и мира во время

войны, обнаружил полную неспособность вернуться к революционной точке зрения. Круг Розы Люксембург создал способ общения с массами и через печать, в виде литературы прокламаций и так-называемых „Писем Спартака“, пропагандистского органа Интернационала, впрочем, конфискованного немедленно после своего появления и переставшего существовать, но укрепившего за группой Розы Люксембург наименование „Интернациональной группы“. Разумеется, правительство было осведомлено о деятельности Розы Люксембург. Но, несмотря на весь сыск, она не попала в расставленные сети, и поэтому ее заключили в тюрьму под предлогом отбывания наказания по сфабрикованному франкфуртским судом обвинению в антимилицаристских выступлениях, хотя оно подходило под амнистию на точном основании указа о ней. Роза Люксембург исчезла за решеткой и с короткими перерывами оставалась в тюрьме до самого крушения германского империализма, — до тех пор, пока ноябрьские события распахнули перед ней ворота тюрьмы. Но, несмотря на самый строгий надзор, ничто не могло помешать Розе Люксембург оказывать помощь своим товарищам, ведущим борьбу. Брошюра Юниуса, как и бесчисленные статьи по основным вопросам, были написаны ею в тюрьме и переданы на волю друзьями Розы Люксембург. Это было возможно только потому, что Роза Люксембург, благодаря своей искренней человечности, благодаря ее простому человеческому отношению к страже, как и ко всем жертвам капитализма, совместно с ней запертым за решетку, создала вокруг себя атмосферу дружеского участия и любви. Отрезанная от всего мира, имея только самую скудную информацию о положении в России, она глубоко тревожилась за судьбы русской революции. Она боялась, как бы германскому империализму не удалось задушить русскую революцию, и с этой точки зрения она относилась к большевикам в вопросе о мире очень критически. Но в то время, как Каутский, прикрываясь критикой Розы Люксембург, направленной против большевизма, старался забаррикадироваться и пальцем не шевельнул, чтобы подтолкнуть рабочий класс Германии к действительной революционной

борьбе, отсутствие которой создало то опасное положение, в каком оказалась русская революция в области внешней политики, — критика Розы Люксембург неизменно заканчивалась призывом к немецким рабочим, возлагающим на них всю ответственность за опасности, угрожающие русской революции. И поэтому мы всегда знали, читая статьи Розы Люксембург в „Спартаке“, что, несмотря на всю критику, которой мы подвергались, мы с ней были связаны общей деятельностью, ибо она старалась совершить в Германии такое же дело, какое мы выполняли в России. Когда ноябрьская революция открыла перед ней двери тюрьмы, наши разногласия немедленно исчезли, что было лучшим свидетельством отсутствия принципиального расхождения. С величайшей энергией, несмотря на свое слабое здоровье, она всецело отдалась движению. Она выполнила в этом движении долг революционера. С железной энергией и пламенной страстностью она начала борьбу против иллюзий ноябрьской революции, против иллюзий демократии, защищая лозунг русской революции — диктатуру пролетариата и власть советов. Когда Гильфердинг и Каутский снова затянули свою унылую песню о трафаретном перенесении русского опыта на Германию, эта песня сейчас же застряла у них в горле, когда независимые социалисты, в ноябре не обращавшие никакого внимания на предостережения Розы Люксембург, в январе политически, под давлением отношения к ним со стороны социалистов большинства, потерпели крушение и стали искать спасения на почве „русских лозунгов“. Программа союза Спартак, опубликованная в начале декабря, в мощных и сжатых выражениях теоретически провозгласившая начало борьбы германского пролетариата за диктатуру, была написана Розой Люксембург. Роза Люксембург стала душой „Rothe Fahne“, органа германской революции, и в конце декабря она содействовала строительству германского коммунизма, придав ему организационную форму. С какой ясностью она провидела его путь, — показывают ее программная речь на съезде и тот факт, что она предостерегала от увлечений молодые, рвущиеся в бой отряды, высказываясь за участие в выборах в учредительное собра-

ние. Она понимала, что путь к победе в Германии гораздо труднее, гораздо дольше, чем в России, и, чуждая революционной фразе, откровенно делала выводы, не боясь, что какой-нибудь Рюле упрекнет ее в оппортунизме.

VI.

Роза Люксембург пала в самом начале мученического пути, каким является путь германского пролетариата к власти. Она не будет больше помогать германскому рабочему классу своим советом, но все рабочее движение в его прошлом, учитывая все его уроки, освещает современность на основании минувшего, чтобы подготовить будущее. Уже не раздается бичующее, пламенное слово Розы Люксембург, к которому массы прислушивались с религиозным преклонением, потому что видели за ним великую душу борца, готового умереть за каждое свое слово. Но сочинения Розы Люксембург, для издания которых германские коммунисты, несмотря на всю свою работу, должны найти время и досуг, являются сокровищем, до тех пор способным оказывать великие услуги германскому и международному пролетариату, пока он ведет борьбу за свое освобождение. Значение Розы Люксембург для германского и международного пролетариата было и остается не в прошлом, но прежде всего в будущем, когда собрание ее сочинений окажет свое воздействие на широкие круги коммунистов, и они усвоят дух этих произведений. Антон Паннекук возражал против ее книги о накоплении капитала, автор этих строк — против положительной части брошюры Юниуса; но никто из числа высказывающихся от имени коммунизма и коммунистически мыслящих не выпустит этих произведений из рук, не испытав чувства, что вместе с Розой Люксембург умер один из величайших и самых глубоких теоретических умов коммунизма, что она была нашей руководительницей, и что в течение целых десятилетий у нее будут учиться рабочие-коммунисты. Роза Люксембург неустанно отмечала необходимость считаться не с отдельными готовыми марксистскими выводами, но пользоваться марксизмом, как методом, и соответственно

этому надо уметь пользоваться ее общественными произведениями. Они являются школой коммунизма не в своих отдельных и частных выводах, а в своем методе. Но они имеют огромное значение и с другой точки зрения. Благодаря тому, что Роза Люксембург тесно связана с польским, русским, как и с германским рабочим движением, благодаря тому, что она, вследствие своего глубокого знакомства с историей международного рабочего движения, была как у себя дома в области вопросов как французского, так и английского социализма, она является представительницей интернациональной сущности рабочего движения, и потеря ее означает не только потерю руководительницы германского коммунизма, но, вместе с тем, и потерю самого выдающегося посредника в усвоении интернациональной сущности нашего движения. Жизненное дело Розы Люксембург имеет исключительно важное значение еще с одной точки зрения. Именно благодаря тому, что она была практической участницей двух разных движений, находившихся на разных ступенях развития, ей пришлось продумать проблемы всех фаз международного рабочего движения не только ретроспективно, но и активно. Когда ее сочинения будут собраны и объединены, то, расположив их в исторической последовательности, можно будет непосредственно проследить все проблемы международного социализма. В борьбе за программу польского социализма она продумала вопросы освобождения пролетариата от влияния буржуазии. В борьбе с ревизионизмом она продумала вопросы соглашения самостоятельной рабочей партии с буржуазией. В вопросах русской революции и в борьбе за массовую стачку в Германии она разъяснила нам проблему мобилизации пролетариата для борьбы за власть. Ее статьи, написанные накануне германской революции и в течение этой революции, идейно вводят нас в проблему мировой революции. Роза Люксембург, как мыслитель и борец, принадлежала не только германской революции. Ничто человеческое не было ей чуждо. И великая человечность Розы Люксембург, привлекавшая каждого, кому приходилось вступать с ней в соприкосновение, — эта человечность была увенчана тем, что

она пала в борьбе за то дело, за которое сражалась в течение всей своей жизни. Когда январское восстание потерпело поражение, Роза Люксембург ни одной минуты не думала о бегстве, и никто из товарищей, знающих ее, не решился даже подать ей мысль о бегстве. Массы истекали кровью, и поэтому она не хотела думать о себе. Она умерла на боевом посту и кровью запечатлела свою верность тому делу, которому она служила. Ее смерть заставила прислушаться к ее голосу такие массы, которые никогда не составляли бы ее аудитории, если бы она осталась в живых среди нас. Она высится, как символ, на пороге пролетарской германской революции. Она объясняет германскому пролетариату, кто вел за него борьбу; она объясняет германскому пролетариату, в ком умирающий капиталистический мир видел самого опасного своего врага; она объясняет германскому пролетариату, под каким знаменем он может одержать победу. Окровавленный, истерзанный труп Розы Люксембург — знамя германского коммунизма. Сотни тысяч берлинских рабочих шли за гробом жертвы палачей контр-революции, и каждая годовщина смерти Розы Люксембург будет свидетельствовать о том, как велики массы, внимающие ее загробному призыву.

КАРЛ ЛИБКНЕХТ

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
Роза Люксембург	7
Карл Либкнехт	41
Лео Иогихес	55

12 10/11